ИСТОРИЯ

УДК 930:355/359.07

Р.С. Авилов

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ ПЛАНОВ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1896–1900 гг. ЧАСТЬ 2. КАНУН КИТАЙСКОГО ПОХОДА 1900–1901 гг.

На материалах ГА РФ и РГВИА исследуется история разработки и обсуждения планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Изучена дискуссия командования Приамурского военного округа с Главным штабом Военного министерства и лично с военным министром А.Н. Куропаткиным. Рассмотрены деятельность Окружного штаба по разработке планов развертывания и сосредоточения войск Приамурского военного округа в случае начала войны в регионе, процесс составления в округе нового мобилизационного росписания. Установлено, что командующий войсками Приамурского военного округа Н.И. Гродеков докладывал военному министру о японской угрозе еще в 1899 г. и эти данные были доложены императору Николаю II.

Ключевые слова: Дальний Восток России; Приамурский военный округ; Японо-китайская война 1894–1895 гг.; Китайский поход 1900–1901 гг.; Владивостокская крепость; Н.И. Гродеков; А.Н. Куропаткин; В.В. Сахаров; мобилизационная готовность.

Сложившаяся к середине 1899 г. (все даты в тексте приведены по юлианскому календарю, т.е. старому стилю. В некоторых случаях, когда речь идет о международных событиях, в скобках приведены даты по григорианскому календарю, т.е. новому стилю) ситуация с отсутствием утвержденного плана обороны российского Дальнего Востока на случай начала войны с Японией, т.е. с наиболее вероятным противником, и серьезные расхождения во взглядах между командованием Приамурского военного округа и военным министром на некоторые базовые положения, долженствующие лежать в основе этого документа, ставили Главный штаб Военного министерства и его начальника, генерал-адъютанта В.В. Сахарова, в достаточно щекотливое положение. Особенно с учетом того, что в результате анализа всех представленных в столицу документов [1. Л. 2–8 об.] **заведующий Азиатской частью Главного штаба** генерал-майор Д.В. Путята (сам выдающийся военный востоковед бывший в течение 6 лет – с 1886 по 1892 г. – военным агентом в Китае и хорошо знавший Дальний Восток [2. С. 197–198]) склонялся в своих выводах на сторону командующего войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова [3. Л. 9–11 об.], а не военного министра А.Н. Куропаткина.

Результатом проработки в Главном штабе всех материалов по этому делу стала докладная записка начальника Главного штаба В.В. Сахарова, датированная 6 ноября 1899 г. Документ рисовал военное положение российского Дальнего Востока в очень мрачных красках и по стилистике скорее напоминал те документы, которые поступали с Дальнего Востока в Военное министерство в Петербург, а не наоборот, спускались из столицы в г. Хабаровск. «Наше положение на Дальнем Востоке, – отмечалось в записке, – ныне более прочное по сравнению с тем, что было пять лет тому назад, не может все еще быть признано благоприятным. Быстрое развитие Японии, на которое долгое время мы смотрели без опасения, победоносная война ее с Китаем (Японо-китайская война 1894–1895 гг. – *Р.А.*) и начинающееся пробуждение

желтой расы создали нам нового врага, не скрывающего свою враждебность, а внутреннее брожение, происходящее в Китае, скорее сделает последний открытым союзником Японии, чем нашим. Те огромные выгоды, которые дает нам владение Квантуном, в данное время не могут вполне осуществиться; пока же занятие Порт-Артура только увеличивает число уязвимых пунктов. Кроме того, Англия, заняв Вейхай-вей, вступила теперь в непосредственное соседство с нашим новым владением, и нет сомнения, что в случае войны она явится деятельным союзником Японии.

Таким образом, в случае возникновения военных действий на Дальнем Востоке, нам придется иметь дело с противником, за которым обеспечено полное господство на море и огромный численный перевес в силах. 250-тысячная японская армия может почти вся принять участие в десантных операциях против нашего побережья, в виду островного, а следовательно, безопасного положения японской державы.

Для противодействия этим силам в данное время на всем огромном пространстве, которое занимают наши владения на Дальнем Востоке, мы располагаем лишь войсками Приамурского округа, гарнизоном Порт-Артура и, как резервом для них, войсками Сибирского округа. Что же касается Туркестанских войск (т.е. войск, дислоцирующихся на территории Туркестанского военного округа. – *Р.А.*), то они имеют свою специальную задачу угрожать британским владениям в Индии. На прибытие же резервов из России (имеется ввиду Европейская Россия. – *Р.А.*) можно рассчитывать лишь в том случае, когда нейтралитет наших западных соседей будет несомненным, и оно потребует весьма продолжительного времени» [4. Т. 1. С. 182–183]. Записка отчетливо свидетельствовала, что сотрудники центрального аппарата Военного министерства постепенно начинали осознавать те угрозы, о которых с весны 1895 г. докладывали им последовательно С.М. Духовской и Н.И. Гродеков.

Более того, в Главном штабе наконец-то осознали и важность для обороны Южно-Уссурийского края

Посьетского участка – ключа всего Южно-Уссурийского края («Здесь высадка удобна почти на всем протяжении, здесь находится крепость, военный порт и конечный пункт железнодорожного пути – Владивосток; отсюда неприятельский десант может развить свои операции вглубь страны с целью отторжения от России богатого Южно-Уссурийского края») [4. Т. 1. С. 183], а также устья р. Амур с г. Николаевск и о-ва Сахалин (вообще не упоминавшегося в 1895–1899 гг. в документах, связанных с военным планированием на Дальнем Востоке), занятие которых могло бы иметь известное «моральное» значение [Там же].

Особое внимание в документе было уделено разбору стратегического значения Маньчжурии и Квантунского полуострова, а также критике предложений Н.И. Гродекова по сосредоточению войск. В Главном штабе исходили из достаточно странного соображения, что пока существует Уссурийский корпус и Квантунский полуостров находится под русским контролем, движение японской армии в направлении среднего течения р. Сунгари маловероятно. Поэтому идея формирования отдельного Маньчжурского корпуса для занятия линии Бодунэ–Гирин и занятие большими силами среднего течения р. Сунгари были признаны нецелесообразными, равно как разброс и без того недостаточных сил на пространстве протяжением в 1 тыс. верст. Задачи же, возлагаемые на Маньчжурский корпус, можно было выполнить и гораздо меньшими силами: для противодействия восстанию местного населения в Маньчжурии было признано достаточным иметь несколько сотен, для обеспечения безопасности КВЖД посчитали достаточным наличие охранной стражи, численность которой предполагалось довести до 5 тыс. чел. Эти утверждения были невообразимой нелепицей, свидетельствовавшей об абсолютном невежестве сотрудников Главного штаба и его начальника в вопросах как истории Китая, так и его современного состояния. Абсурдность указанных тезисов наглядно подтвердили события, произошедшие в Маньчжурии менее чем через год. Что же касается планируемого наступления войск из района среднего течения р. Сунгари на Квантунский полуостров на выручку Порт-Артуру, то оно было признано «совершенно бесцельным» как минимум до окончания строительства ЮМЖД, поскольку с момента объявления мобилизации до прибытия войск к Порт-Артуру, по самым оптимистичным подсчетам, получалось примерно полгода времени [4. Т. 1. С. 183]. По предоставленным тем же Н.И. Гродековым данным, а других в Главном штабе не было, получалось, что войска с территории Забайкальской и Амурской областей могли быть сосредоточены в районе среднего течения р. Сунгари за 2,5 месяца при открытой речной навигации и за 3,5 – при закрытой, после чего на преодоление расстояния в 1 тыс. верст из района сосредоточения до Порт-Артура требовалось еще 2,5–3 месяца.

Поэтому было предложено с началом войны ограничиться формированием одного Уссурийского корпуса, одного отряда и 2 крепостных гарнизонов: 1. Уссурийский корпус в составе 23 1/4 батальонов,

19 эскадронов и сотен и 82 орудий, главные силы которого (21 1/4 батальона, 17 эскадронов и сотен и 74 орудия) сосредоточивались у станции Надеждинской, а особый отряд (2 батальона, 2 сотни и 8 орудий) защищал побережье южнее м. Славянский. 2. Николаевский отряд для обороны устья р. Амур в составе одного батальона, одной крепостной артиллерийской роты и одной инженерной роты. 3. Гарнизон Владивостокской крепости в составе 5 крепостных батальонов и 2 линейных батальонов (правда, его постепенно собирались довести до 6 крепостных батальонов и 4 линейных батальонов). 4. Квантунские войска в составе 8 батальонов, 6 сотен и 24 орудий.

Войска, дислоцировавшиеся в Амурской области, предполагалось направить частью (2 батальона, 16 орудий и 0,5 сотни) к Уссурийскому корпусу и частью (8 сотен) – для занятия важнейших пунктов Маньчжурии. Войска же из Сибирского военного округа – 25 батальонов и 42 сотни, вместе с войсками, дислоцировавшимися в Забайкалье, предполагалось сосредоточить либо к г. Стретенск (в период речной навигации), либо к г. Нерчинск (при закрытой речной навигации), откуда войска можно было перебросить либо водой, либо пешим порядком на Уссурийский или на Маньчжурский театр военных действий (ТВД). Из г. Нерчинск на Маньчжурский ТВД – по дороге Нерчинск – Цурухайтуй – Хайлар – Цицикар – Бодунэ / Харбин, всего около 1 тыс. верст [4. Т. 1. С. 182–183, 772].

Авторы записки наивно полагали, что наличие в Южно-Уссурийском крае группировки русских войск в 35 тыс. чел., при минимальном количестве артиллерии с возможностью прибытия подкреплений сначала из Сибири, а затем, если империя не будет втянута в европейскую войну, и из Поволжья, удержит японцев от серьезных действий против русской территории. Противник, с их точки зрения, должен был захватить Квантунский полуостров, занять Корею, а в отношении Владивостокской крепости ограничиться лишь демонстративным обстрелом. Причем в Главном штабе вполне отдавали себе отчет в том, что при численности армии минимум в 200 тыс. чел. Япония легко достигнет двух указанных целей, поскольку уже через две недели после объявления мобилизации против блокированного и обреченного Порт-Артура будут стоять во много раз превосходящие силы неприятеля. «Как бы героически ни защищался этот отряд, но вне сферы чистых случайностей трудно допустить, чтобы даже при содействии судов береговой обороны ему удалось удержаться против в пять, если не более, раз сильнеешего противника в продолжение 3 месяцев, т.е. того времени, которое потребовалось бы на подход сюда ближайших полевых войск Уссурийского корпуса» [Там же. С. 185]. От переброски же для спасения Порт-Артура Уссурийского корпуса было рекомендовано отказаться как от операции едва ли возможной и целесообразной. В Главном штабе исходили из полученных ранее от Н.И. Гродекова данных, что указанную переброску войск можно осуществить либо береговой дорогой Гензан–Ычжю, местами проходимой для колесного обоза, но в то же время открытой для обстрела неприятельским флотом, либо по

горной дороге через Самсу (в настоящее время населенный пункт Самсу в КНДР), Чхан-чен (в настоящее время населенный пункт Чхонсон в КНДР) на Ычжю, для движения по которой требовался отсутствовавший в то время в округе в достаточном количестве вьючный обоз. «А раз невозможно обеспечить себе правильный и непрерывный подвоз с базы, то не может быть и речи о движении наступательного характера через эту малокультурную и бедную средствами страну, тем более, что всякий отряд,двигающийся от Владивостока к Квантуну, неизбежно подставит свой фланг силам японцев, занимающим Корейский полуостров.

Можно вообще заметить, что если только кампания не затянется на весьма продолжительное время, то войскам Приамурского округа не придется действовать ни на Квантуне, ни на Северо-западном Корейском театре; тем более не придется воспользоваться здесь и Сибирскими резервами» [4. Т. 1. С. 185–186].

Таким образом, авторы записки *de facto* приходили к выводу, что до окончания строительства КВЖД и ЮМЖД Россия не может отстоять военными средствами свои политические интересы на Дальнем Востоке. Открытым оставался лишь вопрос: как поступать командованию Приамурского военного округа в случае, если война с Японией все-таки начнется до завершения железнодорожного строительства?

Для смягчения эффекта от столь мрачных перспектив в документ был вставлен также расчет скорости сосредоточения и переброски войск после окончания русского железнодорожного строительства в Маньчжурии. Когда появлялась возможность за 15 дней перебросить Уссурийский корпус (без Посьетского отряда) как на Квантунский полуостров, так и к г. Мукден. При этом сил Уссурийского корпуса в 30 тыс. чел. для занятия войсками района г. Бицзыво все равно оказывалось недостаточно, тем более что при этом пришлось бы выделять отряды для охраны 1500-верстного участка железной дороги (численность охранной стражи признавалась недостаточной), могущего подвергнуться нападению японцев со стороны р. Ялу (пограничная река, определяющая в настоящее время юго-западную часть границы между КНР и КНДР. В Российской империи ее название транслитерировалось на русский язык с китайского как р. Ялу и с корейского – как р. Амнокган; в настоящее время – соответственно р. Ялуцзян или Амноккан). Поэтому авторы записки предложили перебрасывать Уссурийский корпус не к Бицзыво, как предлагал Н.И. Гродеков, а в другое место в непосредственной близости от Квантуна или к г. Мукден, откуда эти войска могли угрожать японцам на Квантуне и, при необходимости, парировать их попытку перейти в наступление с Корейского полуострова.

Подкрепления из Забайкальской и Амурской областей, а также Сибирского военного округа при таком раскладе следовало направлять по КВЖД в г. Харбин, откуда их можно было легко перебросить по необходимости и к Владивостокской крепости, и к г. Мукдену. Собрав там при благоприятных обстоятельствах до 75 тыс. чел., авторы записки допускали даже начало успешного наступления с последующим развитием

операций к югу от р. Ялу: «По переправе через Ялу, наши войска вступят в довольно населенную и богатую часть Кореи, где находится важный узел путей Пеньян и столица Сеул. Можно думать, что такие успехи нашего оружия принудят Японию к скорейшему заключению мира, что и было бы наиболее для нас желательным, так как дальнейшее наступление в южную часть полуострова, хотя не менее культурную, представляет значительные затруднения по дальности расстояний» [4. Т. 1. С. 185]. Заканчивалась записка, как, впрочем, и все аналогичные документы, полученными ранее с мест, констатацией необходимости усиления войск: Квантунского отряда – до такой силы, чтобы он мог в течение полугода самостоятельно держаться против пятикратно превосходящих сил противника (разумеется, при условии строительства фортификационных сооружений в Порт-Артуре и снабжении гарнизона возникшей таким образом крепости всеми запасами на 1–2 года); войск Приамурского военного округа – в первую очередь путем формирования понтонных частей и вьючного обоза [Там же. С. 186–187].

От содержания этой записки пришел в ужас не только первым анализировавший ее уже в качестве историка член военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны 1904–1905 гг. полковник П.Н. Симанский, верно подметивший, что Главным штабом «предполагалось предоставить Порт-Артур его собственной участи, другими словами – несомненной гибели» (поскольку на усиление Квантунского отряда и серьезное крепостное строительство в Порт-Артуре денег просто не было) [Там же. С. 185], но даже военный министр А.Н. Куропаткин, неожиданно склонившийся по ее прочтении на сторону Н.И. Гродекова, т.е. в пользу формирования двух корпусов с задачей Маньчжурскому выручать Порт-Артур, хотя сам же признавал ранее сосредоточение войск в районе среднего течения р. Сунгари разбрасыванием сил. «Мы должны готовиться выручить Порт-Артур», – заметил он в одной из своих резолюций, хотя тут же скатился к откровенному шовинизму, написав на полях записки напротив фразы о невозможности крепости держаться при «в пять, если не более, раз сильнейшем» противнике, что «наш гарнизон может и теперь держаться столько времени, сколько будет запасов, если мы его усилим» [Там же. С. 187]. Мысль о том, что гарнизон может быть еще до израсходования запасов просто физически перебит при обстреле тяжелой осадной артиллерией, как-то не пришла ему в голову, даже с учетом того, что каких-либо серьезных оборонительных сооружений в Порт-Артуре во второй половине 1899 г. вообще не существовало, а по проектам крепостей Порт-Артур и Владивосток продолжались жаркие дискуссии [4. Т. 8, ч. 1. С. 39–50; 5. Л. 1–37, 78–94; 6. С. 155–159].

С использованием войск Забайкальской и Амурской областей, а также резервов, прибывающих из Сибирского военного округа, А.Н. Куропаткин вполне согласился, а вот с мнением, что рассчитывать на войска Южно-Уссурийского корпуса «возможно лишь при исключительно благоприятных политических обстоятельствах, и брать их в расчет в подгото-

вительных работах по сосредоточению в Маньчжурии не следует», он был «совершенно несогласен», заодно высказавшись о бесполезности авангарда у станции Куанченцзы, указав на необходимость держать его вместе с главными силами, а не на отдалении 150 верст [4. Т. 1. С. 187].

Впрочем, кроме мнений Главного штаба и командования Приамурского военного округа существовала также как минимум одна записка с альтернативными соображениями относительно плана сосредоточения русских войск. Подготовленная Генерального штаба полковником В.А. Альфтаном [4. Т. 1. С. 188–189], долго служившим на Дальнем Востоке [2. С. 13–14], она предусматривала вместо оборонительных активные наступательные действия. Альфтан исходил из концепции, от которой в Военном министерстве к этому времени уже несколько лет как отказались, а именно что численность и сила войск Приамурского военного округа должны возрастать в соответствии с развитием японской армии и, по возможности, даже превышать последние, а не зависеть от прибытия подкреплений из Сибири и Европейской России. По его мнению, к 1903 г., когда Япония будет иметь 184 тыс. чел. войск, численность русских войск в регионе должна составить около 225 тыс. чел., а их состав четко коррелироваться с условиями местности. Кавалерию иметь малочисленной, в количестве, достаточном для разведки; артиллерию – почти исключительно горную (полевой немного, и то облегченного типа). Всего в составе Приамурской армии: 185 батальонов, 44 сотни, 60 батарей (41 горная и 19 полевых), 6 саперных батальонов, одну телеграфную роту и 10–12 рот крепостной артиллерии [4. Т. 1. С. 188–189].

Следует подчеркнуть, что подобные показатели не были достигнуты в Приамурском военном округе даже к началу Первой мировой войны! Так, по официальным данным на 1 сентября 1914 г. (до начала отправки войск на фронт), всего на территории округа находились: 118 батальонов, 12 рот, 6 эскадронов, 13 сотен, 426 орудий (не считая артиллерии Владивостокской и Николаевской-на-Амуре крепостей), 19 артиллерийских парков, один осадный инженерный парк, один крепостной военный телеграф, одна военно-голубиная станция и 4 искровые станции (радиосвязь) [7. С. 399–402; 8. С. 8–9]. Что же касается рассматриваемого периода, то штатный состав нижних чинов на Дальнем Востоке (т.е. в Приамурском военном округе и Квантунской области), по официальным данным на 1 января 1902 г., составлял всего 80,9 тыс. чел. [9. Л. 1 об.; 10. С. 41–42].

В качестве цели для нанесения сосредоточенного удара В.А. Альфтан указал Корею как единственно возможный здесь ТВД [4. Т. 1. С. 188–189, 772]. Причем сам он достаточно хорошо знал Корейский полуостров, по которому с 30 ноября 1895 г. по 17 марта 1896 г. совершил рекогносцировочную поездку [11. С. 8–96]. Сложнее было с продовольственной базой, поскольку «для прокормления» столь большой армии даже во взятых вместе Забайкальской, Амурской и Приморской областях не хватало для годового обеспечения войск около 1300 пуд. хлеба и 850–1450 тыс.

пуд. овса., а расчетных запасов самого Корейского полуострова хватало максимум на 25 тыс. чел. Вполне закономерно, что в качестве продовольственной базы и им была избрана Маньчжурия, а точнее, район Тур-Рог–Сян-син–Бодунэ–Куанченцзы–Гири–Омосо–Посыет, включавший территории как Маньчжурии, так и Южно-Уссурийского края. Для ее охраны необходимо было выделить 5 батальонов, одну горную батарею и 4 сотни. Еще 18 батальонов, 12 крепостных артиллерийских рот, 4 сотни, 5 батарей и одна саперная рота требовались для обороны Владивостокской крепости и побережья от зал. Посыета до Владивостока. Охрану главнейших центров Приамурского военного округа должны были обеспечить несколько батальонов, команд и рот, а остальные 160 батальонов, 30 сотен, 55 батарей (40 горных и 15 полевых) и 6 саперных батальонов предполагалось направить в Корею. Удивительно, но 9/10 всей армии он считал возможным доставить туда морем из Владивостока, а 1/10 – отправить из урочища Новокиевское по береговой дороге. Сначала войска должны были выйти на линию Гензан–Пеньян, которую он считал возможным занять войсками раньше противника, исходя из того что расстояние морем до Гензана от Владивостока и от Японии было одинаковым. Затем войска должны были выйти на линию Сеул–Чемульпо [4. Т. 1. С. 188–189, 772].

Хотя некоторые выкладки в этой записке не были лишены определенной логики, в целом проект крайне слабо соотносился с реальными возможностями как Российской империи, так и ее основного противника – Японии. Уровень хозяйственного освоения территории Приамурского генерал-губернаторства едва ли позволял разместить там на постоянные квартиры такое количество войск – тоннаж имевшегося флота решительно не позволял перебросить их морем в Корею, а состояние русского ВМФ на Дальнем Востоке не позволило бы обеспечить абсолютное господство русского флота на море, без чего все стратегические выкладки В.А. Альфтана начисто теряли практическую реализуемость.

Записка была изучена в Главном штабе младшим делопроизводителем канцелярии Военно-ученого комитета подполковником В.Х. Роопом к 25 февраля 1899 г. (не был специалистом по Азии и Дальнему Востоку, а 1 мая 1900 г. был назначен военным агентом в Вену – столицу Австро-Венгерской империи [12. С. 170; 13. С. 172]), ознакомившийся с ней 4 марта А.Н. Куропаткин характеризовал некоторые части записки как «совершенно опасную фантазию», а выводы – как «странные и слабые» [4. Т. 1. С. 188–189, 772].

Осенью того же 1899 г. грянул так называемый кризис в Мезанпо. Дело в том, что для обеспечения коммуникации между двумя важнейшими портами России на Тихом океане – Владивостоком и Порт-Артуром – русскому ВМФ требовалась как минимум одна угольная станция, оптимальным местом расположения которой командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Ф.В. Дубасов признал Корейский порт Мезанпо (в настоящее время город и порт Масан, Республика Корея). В то же время любая русская деятельность в Корее вызывала сильное возбуж-

дение японских военных и дипломатов, сопровождаемое открытым противодействием. В результате на открытых 21 мая 1899 г. торгах, из-за оплошности русской стороны, представители которой не прибыли на мероприятие вовремя, из 35 предложенных в Мезанпо участков 16 сразу же оказались в руках японца Хасама, который ни на каких условиях не собирался уступать их русским. Против захвата участка силой категорически выступил МИД, а попытки решить эту проблему (неудачные) и вызвали активную реакцию со стороны Японии. В дальневосточной печати в то время тиражировались упорные слухи, с одной стороны, о том, что русские замышляют силовой захват Мезанпо (на их фоне планировавшийся заход русской Тихоокеанской эскадры в этот порт был отменен), а с другой – о возможном нападении японцев на Порт-Артур или Владивосток, где тогда стояла эскадра. Причем, даже в начале декабря 1899 г. в Японии продолжались массовая переброска войск с восточного побережья на западное, энергичная деятельность в портах, и в первую очередь Сасебо, где работы шли круглосуточно, а 11 декабря граф А.П. Кассини (в то время посланник в США) сообщил, что японское правительство спешно заказало у англичан порох и снаряды [14. С. 179–187; 15. С. 97–98; 16. С. 276–278].

Эти обстоятельства привели не только к очередным ходатайствам Н.И. Гродекова об усилении войск Приамурского военного округа, но и о некоторой корректировке плана их развертывания в случае начала войны. Наиболее полно соображения были изложены Командующим войсками округа в записке от 12 апреля 1900 г. [17. Л. 12–21 об.]. В отношении анализа потенциальных угроз все внимание командования округа было приковано исключительно к Японии и Англии [Там же. Л. 13а–14], причем относительно этих двух стран анализ был достаточно точен: «В настоящее время совершенно ясно, что в ноябре минувшего года Япония, с оружием в руках, готовилась выступить на защиту своих интересов в Корее, когда прошел слух, будто-бы Россия хочет силой занять участок земли в Мосампо.

Правда все приготовления Японии были не особенно серьезны; тем не менее они показали, что мир на Дальнем Востоке далеко не прочен и что достаточно ничтожного повода, чтобы возгорелась война. В данном случае все обошлось благополучно; но нельзя поручиться за будущее. В настоящее время нет данных полагать чтобы Япония сама, без достаточного к тому повода, начала войну с нами; но несомненно, что, при благоприятных обстоятельствах, Япония не упустит случая посчитаться с нами и так или иначе решить Корейский вопрос [Напротив этого абзаца резолюция Николая II: «Весьма вероятно»]. Насколько можно судить здесь, в настоящее время ближайшим поводом к столкновению нашему с Японией может послужить именно Корейский вопрос, ставший для Японии, помимо его практического значения, вопросом чести и национального самолюбия.

Можно положительно утверждать, что в настоящее время всякие наши шаги в Корее, всякие попытки утвердиться там или упрочить свое влияние, без предварительного соглашения с Японским правитель-

ством, будут встречены самым недружелюбным образом в Японии и могут повести к такому всеобщему возбуждению, которое кончится войной» [17. Л. 13–13 об.]. В то же время Китай в качестве самостоятельного военного противника России в записке снова не фигурировал [17. Л. 13а–14]. Поэтому базовые решения, лежавшие в основе плана сосредоточения войск округа, изменениям не подвергались, а лишь совершенствовались, тем более что успехи железнодорожного строительства позволили заметно повысить качество практической реализации задуманного.

Вследствие окончания строительства Забайкальской и Сибирской железных дорог и благодаря более рациональному распределению запасных нижних чинов и лошадей, к весне 1900 г. удалось в значительной мере ускорить мобилизационную готовность войск Приамурского военного округа, подняв ее на 2–22 дня. К 15 апреля 1900 г. в округе вводилось новое мобилизационное росписание № 5, по которому войска мобилизовались в следующие сроки: гарнизон Владивостокской крепости – на 4-й день, Николаевской-на-Амуре крепости – на 5-й, войска Приморской области – 5–12-й, Амурской – 4–26-й (последний срок для казачьих частей Амурского казачьего войска, разбросанного по Амуру, от ст. Покровской до ст. Михайло-Семеновской), Забайкальской – 6–26-й день [17. Л. 15]. При этом, благодаря введенной еще в 1898 г. ускоренной мобилизации, крепость Владивосток и Николаевские укрепления, в случае необходимости, могли быть готовы к действию через 6 часов [18. Л. 1].

Еще более ускорить мобилизацию не позволяли малое еще число запасных нижних чинов в округе, а главное – «неравномерность их размещения, при весьма трудном учете, громадных расстояниях и плохих путях сообщения». Аналогичным образом обстояло дело и с пополнением частей и соединений лошадьми по военно-конской повинности. «В общем, – констатировал Н.И. Гродеков, – должно признать достигнутые результаты мобилизационной готовности войск Округа вполне удовлетворительными при настоящем положении дел, когда войска эти, чтобы попасть на театр военных действий (примерно к Мукдену), принуждены будут совершать 3-месячный поход» [17. Л. 15].

В конце 1899 г. в округ должны были прибыть из Европейской России госпитали, что обеспечивало как войска Приамурского военного округа, так и Сибирские подкрепления военно-врачебными заведениями. Госпитальное имущество уже имелось полностью, а часть медицинского еще не была выслана; обзომ военно-врачебные заведения были обеспечены. При мобилизации военно-врачебных заведений сложности ожидалась лишь с укомплектованием их медицинским персоналом, поскольку «состоящих на участке лиц, медицинского персонала в Приамурском и Сибирском округах – ничтожное количество и, по призыве всех их, не хватает 241 врача, ветеринара и фармацевта и 341 фельдшера». Абзац с этими сведениями Николая II отчеркнул дважды [17. Л. 15–15 об.]. Неприкосновенные запасы, хранимые при войсках на

случай мобилизации, имелись полностью и освежались своевременно [Там же. Л. 15].

Вероятными главными ТВД для войск округа виделись Корея или Южная Маньчжурия и второстепенным – Приморская область. В Окружном штабе полагали, что Япония еще до объявления войны перебросит войска в Корею, заняв ее важнейшие пункты, создав запасы и подготовив себе тем самым базу для операций в Маньчжурии и Южно-Уссурийском крае. «Исходя из существующего политического положения и принимая в соображение силы и средства нашего возможного противника – Японии, можно думать, что наиболее вероятный способ действий Японцев будет состоять в высадке в Корею, еще до объявления войны, значительного десанта и в занятии важнейших пунктов ея. Благодаря легкости мобилизации и обилию транспортных средств, Японцы могут, без всякого напряжения, в любой момент снарядить и отправить в Корею 1–2 дивизии на столько быстро [от Японии до берегов Кореи 15–18 часов ходу] и незаметно, что возможно, что мы узнаем об этом уже как о факте свершившемся. Заняв важнейшие пункты, где у них есть гарнизоны и поселения, Японцы могут прочно укрепиться в известном районе и обеспечить себя всякого рода запасами. Высаженные войска могут быть всегда подкреплены из Японии, отправкой новых эшелонов» [17. Л. 15 об. – 16].

Если бы такое занятие Кореи японцами привело к войне с Россией, то, по мнению Н.И. Гродекова, военные действия начались бы «состязаниями на море нашего и Японского, а может быть и Англо-Японского флотов. От успеха борьбы на море зависит дальнейший ход событий. В случае перевеса на Японской стороне, господство на море переходит всецело в их руки и они могут приступить к дальнейшим операциям на суше» [Там же. Л. 15 об.]. Далее они могли либо, из осторожности, ограничиться занятием и удержанием одной Кореи, либо использовать все возможности численного преимущества и, одновременно с занятием Корейского полуострова, начать операции на Ляодуне, выставив отряд к Мукдену и осуществляя флотом демонстрации против Владивостока, у Николаевска-на-Амуре и о-ва Сахалин.

Расчетное время появления неприятельского десанта у берегов Ляодуна определялось Окружным штабом в 3 недели после объявления мобилизации. От Японии до берегов Ляодуна при существовавшем тогда морском транспорте было около 3 дней ходу. От устья р. Ялу до г. Мукден или Порт-Артура противник мог добраться примерно за месяц похода, до Гирина – за 1,5 месяца. «Ведение операций в Маньчжурии дает Японцам больше шансов на успех, чем в Южно-Уссурийском крае, почему надо думать, что главные операции их будут направлены на Ляодун; тем более, что условия для военных действий в Маньчжурии гораздо легче и более знакомы Японцам, чем на других театрах войны» [16. Л. 16].

Сосредоточение русских войск осложнялось не только их разбросанностью по территории огромного Приамурского военного округа, но и еще рядом факторов, ранее уже докладывавшихся Н.И. Гродековым в Главный штаб. Во-первых, трудностью доставки русских войск в Корею. Во-вторых, необходимостью

как можно скорее доставить войска на Квантунский полуостров для помощи Порт-Артуру. В результате длительного размышления над этими вопросами в Окружном штабе пришли к следующему: «В случае отправки войск Округа в Корею, таковое передвижение их может быть сделано тремя способами: морем, береговой дорогой и через Маньчжурию.

Первый и второй способы возможны только при обеспечении за нами господства, хотя бы в северной части Японского моря, а первый, кроме того, и при имении под рукой необходимого числа транспортов.

Вопрос о возможности обеспечения за нами господства на море очень сомнителен, сбор же необходимого числа транспортов потребует слишком много времени. Как показывают сделанные расчеты, имея 8 больших пароходов (размеров Добровольного Флота) или 37 малых, можно на 16-й день, от начала мобилизации, перевезти в Гензан: 8 батальонов, 16 орудий, 1 саперную роту, 1 сотню и на 28-й день – еще 8 батальонов, 24 орудия, 1 сотню, 1 телеграфную роту, 3-месячное продовольствие и необходимые военно-врачебные заведения и парки. Отряд в 12–16 батальонов, 40 орудий, 6 сотен и 1 саперный батальон, передвигаемый сухопутно, может прибыть в Гензан через 2 месяца; но отряду придется идти все время по дороге, отстоящей от моря на 5–40 верст, следовательно подверженной ударам неприятельского флота. Для обеспечения подвоза продовольствия этому отряду, в виду крайней трудности движения по береговой дороге колесного обоза, необходимо иметь 35 000 носильщиков; причем коммуникационная линия будет совершенно не обеспечена, ибо проходит по самому берегу моря.

Следовательно, при существующем положении вещей, первый способ передвижения войск Округа в Корею возможен только при известных благоприятных обстоятельствах; второй же настолько труден и рискован, что он должен быть вовсе исключен из числа возможных, ибо рискуем войсками, без вероятности чего-либо выиграть.

Наиболее целесообразным способом действий, в случае необходимости движения в Корею, было бы наступление через Маньчжурию на Мукден, с тем, чтобы, сосредоточивши там значительные силы и обеспечив себе базу в Маньчжурии, начать отсюда движение в Корею» [17. Л. 16–16 об.]. Из чего был сделан вывод, что наилучшим решением будет наступление войск в Маньчжурию на г. Мукден, откуда и можно будет перебрасывать их либо в Корею, либо на Ляодун. «Это способ действий более медленный, но более верный» [Там же. Л. 16]. В то время степень готовности КВЖД и ЮМЖД еще не позволяла осуществлять по ним переброску войск, так что переброску можно было осуществить: «зимой – походом, летом же – частью походом, частью сплавлять водой». Наиболее удобным местом для сосредоточения войск Командующий войсками округа продолжал считать район среднего течения р. Сунгари.

При существующих сроках мобилизационной готовности (по росписанию № 4), войска Приморской и Амурской областей могли быть сосредоточены к Гирину на 60-й день по объявлении мобилизации, в то

время как войска Забайкальской области и Сибирские подкрепления могли быть перевезены только водой, «...причем, при существующих речных средствах на Амуре и Сунгари, если навигация не будет прерываться мелководьем Шилки, что случается почти ежегодно несколько раз, можно будет к середине октября перевести все эти войска в район средней Сунгари, начав перевозку с открытием навигации» [17. Л. 16 об. – 17]. От Гирина до Мукдена частям предстояло следовать уже походным порядком, и, по сделанному в штабе округа расчету, они могли прибыть в Мукден через 3,5–4 недели после выступления из Гирина. «У Мукдена войскам, вероятно, придется уже вступить в сферу боевых действий, следовательно дальнейшие расчеты невозможны. Но и вышеприведенные данные нельзя считать достаточно точными, в особенности относительно перевозки водою, так как здесь примешивается влияние причин стихийных (мелководье Шилки), не поддающихся никакому расчету», – резюмировал Н.И. Гродеков. Следовательно, вообще большая часть расчетов Окружного штаба касательно сосредоточения войск до окончания строительства КВЖД и ЮМЖД носила во многом гадательный характер [17. Л. 17].

Тем не менее командующий войсками округа указывал на необходимость принятия ряда мер для успешного сосредоточения. В их числе он указывал, помимо усиления войск, на некоторую корректировку дислокации войск Южно-Уссурийского отдела, «обеспечение Амуро-Сунгарийского водного пути достаточным числом плавательных средств», поскольку имеющегося запаса хватило бы только на наличное количество войск, без расчета на хотя бы минимальное увеличение, а главное – на некоторую подготовку Маньчжурского ТВД к будущей войне. В первую очередь «еще в мирное время учредить в районе средней Сунгари достаточные запасы продовольствия, которые бы обеспечили войска в случае замедления в подвозе, в особенности в первый период после сосредоточения, когда подвоз не может быть вполне организован. Этого можно бы достигнуть учреждением паровой мельницы около Харбина, составляющего узел водных и железно-дорожных путей Маньчжурии. Мельница эта будет ежегодно привлекать местные запасы зерна в количестве не менее 400.000 пудов, что даст возможность иметь во всякое время на базе значительные запасы без ущерба для казны, так как запасы эти будут идти на текущее довольствие войск Приамурского округа» [17. Л. 17–21].

Эта записка Н.И. Гродекова, датированная 12 апреля 1900 г. [Там же. Л. 12–21 об.], по получении в Петербурге и прочтении А.Н. Куропаткиным была, как и предыдущая, представлена на Высочайшее воззрение. Николай II закончил ее чтение 17 июня 1900 г. [Там же. Л. 12] – ровно пять дней спустя после начала мобилизации войск Приамурского военного округа в связи с Боксерским восстанием (телеграмму о мобилизации в Хабаровске получили 11 июня 1900 г., а первым днем мобилизации было приказано считать 12 июня 1900 г.) [19. Л. 4], т.е. началом тех самых внешнеполитических «осложнений» на Дальнем Востоке, о которых писал Н.И. Гродеков в предыдущей запис-

ке [1. Л. 7 об.]. Итоговый план сосредоточения войск Приамурского военного округа на случай новой войны ни закончить, ни уж тем более утвердить к этому времени так и не успели.

Заметно лучше обстояло дело с мобилизационным росписанием, о чем уже частично шла речь выше. С 1898 г. в округе действовало мобилизационное росписание № 3, соответствовавшее росписанию Главного штаба № 17. Усовершенствованное в подробностях мобилизационное росписание № 4 было введено в действие примерно через год, в мае 1899 г. [1. Л. 5]. Работа над составлением мобилизационного росписания № 5 для войск Приамурского военного округа велась в Окружном штабе с 1 января по 14 февраля 1900 г. При составлении росписания № 5 были приняты в основание следующие требования:

- 1) сделать мобилизационное росписание № 5 возможно более простым и удобным для приведения его в действие;

- 2) достигнуть при действительной мобилизации тех именно сроков боевой готовности, которые будут определены при расчетах мирного времени.

Для достижения первого все части войск Приамурского военного округа предполагалось укомплектовать преимущественно на месте, т.е. из тех сборных пунктов, которые должны были быть открыты в местах квартирования частей с началом мобилизации. Перевозки мобилизованных из одной области в другую были безусловно исключены, чем «сокращалось число перевозок команд запасных и упрощалась мобилизация». Поскольку в Приамурском военном округе «по местным условиям, передвижение команд запасных встречает большие затруднения в отношении размещения, продовольствия и перевозок этих команд на подводах, поэтому уменьшение перевозок было особенно желательно. Притом сдача команд на месте являлась полезной в том отношении, что давала возможность ускорить сроки готовности частей по мобилизационному росписанию № 5, сравнительно с прежними мобилизационными росписаниями округа. Но, так как избежать перевозок, хотя бы и небольших нельзя, то в “порядке ввода мобилизационного росписания № 5 в действие” были даны подробные указания: как следует отправлять команды запасных в части войск и какие меры принять для обеспечения их продовольствием, квартирами в пунктах ночлегов и перевозочными средствами» [19. Л. 4 об. – 5].

Чтобы получить при мобилизации именно те сроки боевой готовности частей и соединений, которые были определены при составлении росписания, всем воинским начальникам были даны подробные указания в виде «ведомостей последовательности отправления команд со сборных пунктов» и категорически запрещено делать отступления от указанных в них сроков. В этих ведомостях были помещены указания по дням мобилизации и по категориям запаса: «сколько нижних чинов прибывает на сборный пункт и сколько, куда и когда должно быть отправлено <...>».

Следует отметить, что все расчеты мирного времени при составлении мобилизационных росписаний имеют в основании те данные, которые даются гражданскими учреждениями <...>.

Поэтому в мирное время необходимы поверочные сборы запасных. Они дают возможность перед составлением мобилизационного росписания проверить число запасных, состоящих на учете, и даже, до известной степени, выяснить точность в расчетах времени явки запасных. К сожалению, по местным условиям, поверочные сборы запасных в Приамурском военном округе чрезвычайно трудны: на объезд районов некоторых управлений воинских начальников требуется около года, а такая продолжительная отлучка начальника, конечно, невозможна. Однако перед составлением мобилизационного росписания № 5 были приняты меры для возможно более точного определения числа запасных, состоящих на учете в округе, для чего было сделано сличение учета запасных в управлениях воинских начальников и в городских и окружных полицейских управлениях; сделанные в первых управлениях исправления были незначительны» [19. Л. 4 об. – 5].

После окончания работы и рассылки нового мобилизационного росписания № 5 в войска (введено в действие 15 апреля 1900 г.) оно было представлено в Главный штаб при рапорте от 27 мая 1900 г. [Там же. Л. 4–5].

В соответствии с этим документом «каждая область Приамурского военного округа укомплектовывала своими средствами запаса по возможности все части войск, в ней квартирующие. Недостающее число добавлялось в тыловые части из Сибирского военного округа. Забайкальская область, ввиду близости ее к Сибирскому округу, проведения Забайкальской железной дороги и недостатка запасных в области, получала укомплектование из Сибирского военного округа частью и для действующих частей» [Там же. Л. 5].

Таким образом, в Приморской области требовалось 13 189 чинов запаса, в том числе: 5 242 – для укомплектования действующих частей войск (все назначены из запаса своей области), 7 947 – для укомплектования тыловых и запасных частей (из них 4 441 чел., или 56%, – из своей области и 3 506, или 44%, – из Сибирского военного округа). В Амурской области требовалось 1 986 чинов запаса, в том числе: 80 – для укомплектования действующих частей войск (все назначены из запаса своей области), 1 906 – для укомплектования тыловых и запасных частей (из них 1 614 чел., или 84%, – из своей области и 292, или 16%, – из Сибирского военного округа). В Забайкальской области требовалось 11 308 чинов запаса, в том числе: 9 506 – для укомплектования действующих частей войск (из них 4 600 чел., или 48%, – из своей области и 4 906, или 52%, – из Сибирского военного округа), 1 802 – для укомплектования тыловых и запасных частей (из них 878 чел., или 49%, – из своей области и 924, или 51%, – из Сибирского военного округа).

Всего в Приамурском военном округе требовалось 26 483 запасных чина (из них 2 759 чел. назначались в 5 запасных батальонов, предположенных к формированию в округе) [19. Л. 4], в том числе: 14 828 – для укомплектования действующих частей войск (из них 9 922 чел., или 67%, – из запаса своего округа и 4 906, или 33%, – из Сибирского военного округа), 11 655 –

для укомплектования тыловых и запасных частей (из них 6 933 чел., или 60%, – из запаса своего округа и 4 722, или 40%, – из Сибирского военного округа).

Из всего этого числа нижних чинов запаса: 11 296 чел., или 43%, – поступали в части на месте, 5 559, или 21%, – перевозились в районе своих областей и 9 628 чел., или 36%, – перевозились из Сибирского военного округа. Перевозок из одной области в другую не предполагалось [19. Л. 5].

На учете в областях Приамурского военного округа к 1 января 1900 г. состояло 20 659 нижних чинов запаса. За исключением так называемой скидки в 25%, т.е. запасных, которые по каким-либо причинам освобождались от призыва, росписанием № 5 были распределены в действующие части войск округа 14 896 чел., в запасные батальоны – 1 959. Всего – 16 855 чел. Остальные 9 628 чел., недостающие до потребности округа в 26 483 чел., были назначены распоряжением Главного штаба из Сибирского военного округа и распределялись по областям следующим образом: 60% сибирских запасных (5 830 чел.) – в Забайкальскую область, 3% (292 чел.) – в Амурскую область и 37% (3 506 чел.) – в Приморскую область. Наибольшие проблемы возникли с фельдшерами запаса, которых в Приамурском военном округе оказалось на учете всего 303 чел., из которых, за скидкой в 20%, были распределены росписанием 243 чел. Еще 332 чел. пришлось назначать из Сибирского военного округа [19. Л. 4].

Этим же документом регламентировался и порядок поставки от населения лошадей при объявлении мобилизации. По мобилизационному росписанию № 5 общая потребность в лошадях всех частей войск, управлений и заведений Приамурского военного округа была определена в 12 977 голов, из которых 1 200 голов назначались в 3 отделения конского запаса, предположенные к формированию в г. Благовещенск. Лошадей у населения предполагалось брать по реквизиции, так как положение о военно-конской повинности еще не было распространено на Приамурский военный округ [20. Л. 40]. А поскольку введение военно-конской повинности в округе было лишь вопросом времени, то производство реквизиции предполагалось произвести на тех же основаниях, на которых производилась в империи поставка лошадей по военно-конской повинности, а именно: «1. все области округа были разделены на военно-конские участки,

2. в каждом военно-конском участке был назначен свой сдаточный пункт,

3. было определено время сбора лошадей на сдаточных пунктах в случае объявления мобилизации,

4. для приема лошадей от населения на каждом сдаточном пункте была образована комиссия, в состав которой были назначены в качестве членов представитель от военного ведомства,

5. военно-окружным советом были установлены цены за взятых от населения по реквизиции лошадей, притом цена за верховых лошадей была оставлена та же, что указана в приказе по военному ведомству 1899-го года № 206; цены же за артиллерийских и обозных лошадей были назначены военно-окружным

советом различные для каждой области округа, в зависимости от развития коневодства в области,

6. на каждый сдаточный пункт население обязано было поставить лошадей на 50% более того числа, которое было назначено мобилизационным росписанием для приема с этого сдаточного пункта; затем комиссия выбирала лучших из поставленных лошадей,

7. принятые от населения лошади сдавались тут же на сдаточном пункте офицерам от частей войск, заранее назначенным по мобилизационному росписанию для приема и препровождения лошадей в части войск округа» [20. Л. 40–40 об.]. Сбор лошадей по реквизиции на сдаточных пунктах должен был начаться одновременно со сбором нижних чинов запаса на сборных пунктах округа [20. Л. 40 об.].

При составлении документа возникли серьезные проблемы с подсчетом численности в округе лошадей, имевшихся у населения. Поскольку нормальной военно-конской переписи в войсках округа не проводилось, то основанием для производства разверстки наряда лошадей в областях округа между частями войск служили данные, полученные при производстве упрощенного подсчета лошадей в 1898 г. При этом упрощенный подсчет лошадей был произведен в 1898 г. в частях только Амурской и Приморской областей, причем проводился он вместо военно-конской переписи, о производстве которой 23 мая 1898 г. ходатайствовал Окружной штаб Приамурского военного округа. Главный штаб, «признав вполне своевременным возбужденный вопрос о конской переписи в Приамурском округе, нашел более соответственным на первый раз произвести только предварительный упрощенный подсчет лошадей в полосе, ближайшей к линии железной дороги, и в других важнейших районах, с тем, чтобы выяснить на месте основания для производства военно-конской переписи в ближайшем будущем», которое до Китайского похода 1900–1901 гг. так и не наступило [20. Л. 40 об.–41]. В Забайкальской области подсчета лошадей не производилось вообще, и сведения о числе лошадей были взяты Окружным штабом из отзыва Забайкальского статистического комитета № 8 от 6 февраля 1891 г. На основании всех этих данных общее число лошадей в областях округа было определено в 543 591, из которых: 503 976 – в Забайкальской области, 21 865 – в Амурской и 17 750 – в Приморской области. При этом число лошадей, «годных к службе в войсках», было определено лишь в Амурской (в 1898 г. – 6 271 лошадь, т.е. 29% общего числа лошадей в области) и Приморской (в 1898 г. – 15 001 лошадь, т.е. 85% общего числа лошадей в области) областях, где производился упрощенный подсчет лошадей. Для Забайкальской области этот показатель известен не был [Там же. Л. 40 об.].

В результате мобилизационным росписанием № 5 было назначено к реквизиции у населения Приамурского военного округа всего 12 77 лошадей: из Забайкальской области – 3 851, Амурской области – 2 236 (36% годных лошадей в этой области) и Приморской – 6 890 (45%). Из них в действующие части назначались всего 8 466 лошадей: из Забайкальской области – 3 246, Амурской – 674, Приморской – 4 546.

В крепостные войска назначались 120 лошадей из Приморской области. В тыловые части всего 3 166 лошадей: из Забайкальской области – 600, Амурской – 357, Приморской – 2 209. В запасные части всего 1 225 лошадей: из Забайкальской области – 5, Амурской – 1 205, Приморской – 15 [Там же. Л. 41].

Для сбора лошадей были намечены особые сдаточные пункты: в Забайкальской области: г. Чита, г. Верхнеудинск, Нерчинский завод, г. Троицкосавск, г. Акша и станица Стретенская; в Амурской области: г. Благовещенск и станица Екатерино-Никольская; в Приморской области: г. Хабаровск, г. Николаевск, г. Никольск-Уссурийский, Владивостокская крепость, урочище Новокиевское, сел. Григорьевское и сел. Черниговка [20. Л. 41]. Взятых по реквизиции лошадей, также как и мобилизованных нижних чинов запаса, не предполагалось перевозить из одной области в другую – каждая область укомплектовывала своими «коневыми средствами» все части войск, в ней квартирующие. «Во все части войск, штабы и заведения Приамурского военного округа лошади были назначены мобилизационным росписанием № 5 в числе, составляющем разницу штатов военного и мирного времени, с надбавкою в артиллерийские и полевые инженерные части 1% (от штатов военного времени) для пополнения могущего образоваться по случайным причинам некомплекта. Сверх этого числа лошадей, назначаемых для пополнения войсковых частей до штатов военного времени, были назначены лошади обозного сорта под верх ротным командирам и врачам и, кроме того, верховые лошади тем лицам, коим согласно приказа по военному ведомству 1895-го года № 306 *должны быть* непременно даны лошади, взамен пособий, выдаваемых в военное время. Остальные верховые лошади и все упряжные, кои по приказу 1895 года № 306 *могли быть* назначены взамен пособий, – не были назначены мобилизационным росписанием № 5, ввиду недостатка коневых средств края, в особенности в Амурской и Приморской областях» [Там же].

Таким образом, в отличие от нижних чинов запаса, недостаток которых для нужд мобилизации предполагалось покрывать населением Сибирского военного округа, лошадей на территории Приамурского военного округа в то время еще худо-бедно хватало на укомплектование военных частей, соединений, управлений и заведений по штатам военного времени, по крайней мере, теоретически.

Еще одним следствием Японо-китайской войны 1894–1895 гг. стало внедрение в Приамурском военном округе системы постоянной проверки мобилизационной готовности дислоцировавшихся на его территории войск – так называемых поверочных, т.е. пробных, мобилизаций. «Проверка мобилизационной готовности частей путем производства поверочных мобилизаций» была официально внедрена в русской армии на основании Высочайшего повеления от 7 мая 1894 г. В нормативно-правовых документах указывалось, что поверочные мобилизации производятся в войсках с целью «на деле ознакомить чины войсковых частей, управлений и заведений с предстоящими им при мобилизации обязанностями и дать им возмож-

ность приобрести каждому должный навык к выполнению и согласованию всех мобилизационных работ». Производиться они должны «периодически, с тем, чтобы сделать их обыденным занятием в жизни частей, наряду с прочими отделами войскового образования. Число и назначение частей, в которых должна производиться поверочная мобилизация, определяется главными начальниками военных округов» [21. С. V, 97–98].

Следует подчеркнуть, что в Российской империи в целом поверочные мобилизации имели место и до этого, хотя и не были обязательными [22, 23]. Однако в Приамурском военном округе до окончания Японо-китайской войны 1894–1895 гг. они не проводились. Примечательно, что некоторые служившие на Дальнем Востоке офицеры Генерального штаба объясняли их внезапное появление заимствованием опыта Киевского военного округа, где их активно практиковал командующий войсками генерал М.И. Драгомиров [24. С. 31–32; 25. С. 139–140, 169].

«Поверочные» мобилизации представляли собой мобилизацию отдельных воинских частей с целью проверить как подготовительные к мобилизации работы, так и общую степень готовности части к выступлению в поход [26. С. 255]. В настоящее время для наименования комплекса сходных по задачам мероприятий используется термин «неплановая проверка состояния войск».

Особое внимание при такой проверке обращали на состояние всех необходимых документов, наиболее важными из которых были местные мобилизационные росписания. Именно они клались в основу мобилизационных планов, составляемых в войсках, управлениях и учреждениях и содержащих подробный порядок всех мобилизационных работ и распределение их во времени. Эти планы составлялись на основе особых наставлений (см., напр.: [21, 27]), включали в себя мобилизационную записку и мобилизационный дневник. Последний имел «чрезвычайно важное значение, потому что дает во времени перечень работ каждому лицу, принимающему участие в работах по мобилизации». Именно этот документ, в случае его качественного составления, позволял, по получении приказа о мобилизации, всем действовать по плану самостоятельно и быстро, не «испрашивая дополнительных указаний», разъяснений, не перегружая этим телеграфные линии и не тормозя весь мобилизационный процесс.

На начальствующих лиц была возложена обязанность при каждом удобном случае проверять, в том числе на практике, достаточно ли твердо и «сознательно» усвоены их подчиненными мобилизационные обязанности, находятся ли в полной готовности и исправности неприкосновенные запасы [28. С. 353; 29. С. 369].

В период 1895–1900 гг., т.е. между мобилизацией 1895 г., вызванной угрозой войны с Японией, и мобилизацией 1900 г., вызванной последствиями набравшего силу восстания ихэтуаней, подобные «поверочные» мобилизации отдельных частей округа стали проводиться регулярно и имели место: в 1896 г. (проверяли части, соединения и учреждения, расположенные в крупнейших и важнейших со стратегической

точки зрения пунктах округа, а именно в г. Хабаровск: 3-й Восточно-Сибирский линейный батальон и Хабаровского местного воинского начальника; г. Благовещенск: 2-й Восточно-Сибирский линейный батальон; с. Никольское: 3-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, 1-ю мортирную батарею (с горной полубатареей) 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады; в урочище Новокиевское: 10-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, а также № 1-й и № 2-й Южно-Уссурийские полевые подвижные госпитали) [30; 31. С. 31; 32. С. 159–168], в 1897 г. (4-й и 7-й Восточно-Сибирские стрелковые батальоны, 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон, 1-й Забайкальский казачий батальон ЗКВ, 1-я легкая батарея 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, 2-я легкая батарея 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, 1-я батарея отдельного Забайкальского артиллерийского дивизиона, нештатная вылазочная батарея во Владивостоке, Управления Забайкальского, Амурского и Приморского воинских начальников) [33], 1898 г. [34] и 1899 г. (6-й и 7-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, 1-я Забайкальская казачья конная батарея ЗКВ, Управление Приморского областного воинского начальника, Управление начальника Южно-Уссурийской округи) [35].

В целом поверочные мобилизации оказались достаточно эффективным способом проверки и оценки мобилизационной готовности войск, позволяющим своевременно выявить большую часть недоработок в этой сфере и хотя бы частично их устранить. В результате даже имевшиеся недостатки не помешали войскам Приамурского военного округа успешно от мобилизоваться в 1900 г. и достаточно хорошо проявить себя в Китайском походе 1900–1901 гг.

Таким образом, к началу Китайского похода 1900–1901 гг. никаких итоговых планов сосредоточения войск на случай новой войны на Дальнем Востоке ни в Окружном штабе Приамурского военного округа в Хабаровске, ни в Главном штабе Военного министерства в Петербурге просто не существовало. Их так и не успели закончить и утвердить. Имели место лишь отдельные, разрозненные и постоянно корректируемые соображения относительно вариантов развертывания войск, подготовленные в Окружном штабе и направленные в центр, критика этих соображений со стороны начальника Главного штаба генерал-адъютанта В.В. Сахарова и военного министра А.Н. Куропаткина, а также как минимум один вариант альтернативных соображений, подготовленный и направленный в министерство Генерального штаба полковником В.А. Альфтаном. При этом в штабе округа сохранился еще и старый план сосредоточения войск, разработанный весной 1895 г., незадолго до начала мобилизации войск Приамурского военного округа с целью оказания давления на Японию. Именно он и был до определенной степени использован на начальном этапе кампании 1900 г.

Особо следует подчеркнуть, что еще во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг. командование Приамурского военного округа осознало – основным и наиболее вероятным противником России на Дальнем Востоке, без сомнения, будет Япония. По указанной

причине готовиться нужно в первую очередь к схватке именно с этим врагом, который может выступить как в одиночку, так и в союзе с Британской империей (наиболее вероятный сценарий), Китаем (менее вероятный сценарий) или ими обоими (сценарий маловероятный, но возможный). В связи с этим все военные приготовления и планирование по сосредоточению войск велись и в Хабаровске, и в столице исходя из этих трех возможных комбинаций. Вариант войны с одним Китаем, выступившим против России самостоятельно, а не в качестве союзника Японии, вообще не рассматривался ни в одном документе и, с учетом состояния китайских вооруженных сил, считался абсолютно невероятным. Что касается зарождения, постепенного развития и последующего взрыва антиевропейских и антииностранных настроений, происходивших в Дайцинской империи с 1898 г. и вылившихся затем в Боксерское восстание 1900 г. [36. С. 13–328], то при отсутствии нормально организованной в сопредельных дальневосточных странах разведки [37. С. 93–94, 102, 131–132, 134–135, 141–145; 38. С. 15–39, 56–71] в Хабаровске их просто пропустили. Развитие событий в Китае весной–летом 1900 г. стало для командования Приамурского военного округа полной неожиданностью, к которой совершенно не готовились.

Положение с разработкой планов новой кампании осложнялось еще и постоянными изменениями в исходных посылах. Сначала было принято решение о строительстве КВЖД – русской стратегической железнодорожной линии – на китайской территории, что поставило вопрос о необходимости защитить ее в случае войны. Затем был взят в аренду на 25 лет Квантунский полуостров с Порт-Артуром, который нужно было уже не только оборонять, но и выручать путем своевременного направления подкреплений из

состава войск Приамурского военного округа, что в корне меняло все расчеты. А поскольку из-за недостатка финансирования и своеобразной позиции военного министра А.Н. Куропаткина усиление группировки русских войск на Дальнем Востоке происходило не в плано-систематическом, а в спонтанно-хаотическом режиме, все расчеты приходилось постоянно корректировать в зависимости от текущего состава войск округа. Причем, с учетом общей критичности малой численности войск в регионе, вносить поправки приходилось после каждого мало-мальски серьезного переформирования, т.е. как минимум по несколько раз каждый год, да еще и обсуждать по многим из них с Петербургом. Заметно лучше обстояла ситуация с мобилизационным росписанием. Обновленную версию этого документа (Мобилизационное росписание № 5 Приамурского военного округа) вместе со всеми расчетами по призыву запасных и реквизиции лошадей удалось закончить и ввести в действие 15 апреля 1900 г., т.е. буквально за два месяца до начала 11 июня мобилизации 1900 г. [19. Л. 4, 5], что сыграло огромную положительную роль при развертывании войск.

Другим положительным фактором стал уже имевшийся у войск опыт мобилизации 1895 г., а также регулярные поверочные мобилизации отдельных частей, соединений и учреждений военного ведомства, активно проводившиеся в войсках Приамурского военного округа в 1896–1899 гг. Эти постоянные проверки позволили не только ликвидировать пробелы в мобилизационной готовности отдельных воинских частей, но и приучили командный и личный составы спокойно воспринимать сам процесс мобилизации; готовить часть «к выступлению в поход» без лишней суеты и нервозности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гродеков Н.И. «Записка о военной готовности Приамурского военного округа в половине 1899 года». 2 июня 1899 г. Доложена Николаю II 10 августа 1899 г. // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 3. Д. 96.
2. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М. : Вост. лит., 2005. 295 с.
3. Путья Д.В. По вопросам изложенным в записке Генерал-Лейтенанта Гродекова о боевой готовности Приамурского военного округа в половине 1899 года. 5 августа 1899 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96.
4. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны : в 9 т. СПб., 1910. Т. 1–9.
5. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2399. По поводу обороны крепости Владивосток и вообще Южно-Уссурийского края.
6. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I: «Назло надменному соседу». 1860–1905 гг. Владивосток : Дальнаука, 2013. 383 с.
7. Росписание сухопутных войск. Исправленное по 1 сентября 1914 г. СПб. : Военная типография, 1914. 578 с.
8. Авилов Р.С. Приамурский военный округ (1884–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2015. № 11.
9. Записка полковника [А.А.] Гулевича «Сравнение затрат сил и средств в Варшавском округе и на Дальнем Востоке» от 14 марта 1903 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 193.
10. Авилов Р.С. Численность войск Приамурского и Варшавского военных округов накануне Русско-японской войны: опыт сравнительного анализа // Новый исторический вестник. 2017. № 1.
11. Поездка в Корею Генерального Штаба подполковника Альфтана в декабре 1895 года и январе 1896 года // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 69. СПб. : Военная типография, 1896.
12. Список Генерального штаба. Исправлен по 1 января 1899 г. СПб. : Военная типография, 1899. 318 с.
13. Список Генерального штаба. Исправлен по 2 января 1901 г. СПб. : Военная типография, 1901. 410 с.
14. Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / под ред. В.А. Золотарева. М. : Арбизо, 1994. 583 с.
15. Кондратенко Р.В. Российские морские агенты об усилении японского флота в конце XIX – начале XX века // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник / под ред. О.Р. Айрапотова. М. : Три квадрата, 2004.
16. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб. : Нестор-История, 2008. 668 с.
17. Гродеков Н.И. «Записка о мобилизационной и боевой готовности Приамурского военного округа в начале 1900 г.» 12 апреля 1900 г. Прочитана Николаем II 17 июня 1900 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96.
18. Шифрованная телеграмма генерала Н.И. Гродекова из Хабаровска Начальнику Главного штаба в Петербург № 1410 от 14 ноября 1898 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2399.

19. Отчет о выполнении в Приамурском военном округе росписания № 5 о призыве нижних чинов запаса и поставке лошадей от населения по реквизиции в 1900-м году. Ч. 1. Хабаровск, 1900 // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101.
20. Отчет о выполнении в Приамурском военном округе росписания № 5 о призыве нижних чинов запаса и поставке лошадей от населения по реквизиции в 1900-м году. Ч. 2. Хабаровск, 1901 // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101.
21. Наставление для мобилизации пехоты. СПб. : Военная типография, 1901. 213 с.
22. Отчет генерала Келлера о поверочной мобилизации в Донском казачьем войске в 1891 г. // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 332 (по описи).
23. Отчет генерал-майора Хрещатицкого о поверочной мобилизации в Донском казачьем войске в 1891 г. // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 333 (по описи).
24. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1904) // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны (далее – ОРВВВ). № 68–69. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
25. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания / ред.-сост., ком. Р.С. Авилов, В.И. Калинин ; вст. ст. Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. Владивосток : Общество изучения Амурского края – Приморское краевое отделение Русского географического общества, 2017. 434 с.
26. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары / ред., предисл., ком. А.М. Лукашевича. Минск : Харвест, 2005. 624 с.
27. Наставление для мобилизации частей действующей и резервной пехоты. Свод указаний и соображений по исполнению мобилизационных работ в частях действующей и резервной пехоты. Испр. по 1 января 1888 г. СПб. : Военная типография, 1888. 68 с.
28. Василевский. Руководство для штаб-офицеров и капитанов, подвергающихся испытанию при зачислении в кандидаты на должности уездных воинских начальников и справочная книга для уездных воинских начальников. Испр. и доп. (по 1 февраля 1910 г.) Н. Ходорович. 7-е изд. СПб. : Изд. В. Березовского, 1910. 793 с.
29. Военная энциклопедия. СПб. : Т-во И.Д. Сытина, 1914. Т. 16. 640 с.
30. Приказ войскам Приамурского военного округа № 368 от 31 октября 1896 г. и приложенный к нему Свод главнейших замечаний из отчетов комиссий, наблюдавших за производством поверочных мобилизаций в 1896 г. // Приказы войскам Приамурского военного округа за 1896 г. Хабаровск, 1896.
31. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1904) // Вестник ОРВВВ. № 59–60. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
32. Авилов Р.С. «Поверочная мобилизация» войск Приамурского военного округа в 1896 г. как способ оценки мобилизационной готовности военных частей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 1.
33. Приказ войскам Приамурского военного округа № 221 от 22 июня 1898 г. и приложенный к нему Свод главнейших замечаний по поверочной мобилизации некоторых частей войск и управлений Приамурского военного округа в 1897 г. // Приказы войскам Приамурского военного округа за 1898 г. Хабаровск, 1898.
34. Приказ войскам Приамурского военного округа № 245 от 12 июля 1898 г. // Приказы войскам Приамурского военного округа за 1898 г. Хабаровск, 1898.
35. Приказание войскам Приамурского военного округа № 29 от 10 февраля 1900 г. и приложенные к нему Замечания Командующего войсками Приамурского военного округа, сделанные во время производства пробной мобилизации, зимою 1899 г. // Приказания войскам Приамурского военного округа за 1900 г. Хабаровск, 1900.
36. Каложная Н.М. Восстание Ихэтуаней (1898–1901 гг.). М. : Наука, 1978. 363 с.
37. Алексеев М. Военная разведка России от Юрия до Николая II. М. : Издательский дом «Русская разведка»; ИИА Евразия+, 1998. Кн. I. 432 с.
38. Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. : дис. ... канд. ист. наук / науч. рук. Г.В. Мелихов; Институт российской истории РАН. М., 2003. 213 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 мая 2018 г.

The Problem of the Military Defense Planning of the Russian Far East in 1896–1900. Part 2. The Eve of the Chinese Campaign of 1900–1901

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 128–141.

DOI: 10.17223/15617793/441/17

Roman S. Avilov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation); Research Library of the Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Keywords: Russian Far East; Pri-Amur Military District; Sino-Japanese War of 1894–1895; China Campaign of 1900–1901; Vladivostok Fortress; Nikolay I. Grodekov; Aleksey N. Kuropatkin; mobilization readiness.

Using the unknown sources from the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Military Historical Archive and the Collection of Manuscripts of the Russian State Library, this article examines the history of creating the military defense plans of the Russian Far East in 1896–1900 and the discussions about this issue. The controversy between the commanders of the Pri-Amur Military District, the chief of the Main Staff of the War Ministry and War Minister Aleksey N. Kuropatkin himself was also investigated. The creation of the new defense plan of the Russian Far East and the plan of force concentration in case of an outbreak of hostilities in this region, as well as the elaboration of a new mobilization schedule were also studied. It was revealed that the commander of the forces of the Pri-Amur Military District, General Nikolay I. Grodekov, reported to the war minister about the Japanese menace back in 1899, and this information was reported to Russian Emperor Nicholas II. Moreover, it was found that after 1895 the commanders of the Pri-Amur Military District were absolutely sure in the inevitability of the war with the Empire of Japan (probably in alliance with the British Empire), so all war plans and plans of force concentration in this region were created according to this menace. Because of it, by the start of the China Campaign of 1900–01 there were no plans of war only with China in the Russian Empire. The Military District Staff only had an old plan of force concentration, which had been prepared in the spring of 1895, a few months before the real mobilization of the Pri-Amur Military District. In fact, it was the plan used by the Russian Army in the first period of the China Campaign of 1900–01. The situation with the regional military planning in the new campaign was also complicated due to permanent changes in benchmark data. First, it was decided to build the Eastern Chinese Railway, which was strategically important to the Russian Army, in China. That raised the question of how to defend it in case of war. The *Kwantung Territory* with Port Arthur was occupied for 25 years, and there was a great problem of how to defend it too without enough troops in the region. A better situation was with the mobilization schedule. The renovated version of this document (Mobilization Schedule of the Pri-Amur Military District No 5) was finished and put in force on April 15, 1900, two months before the real mobilization of this military district. Another positive factor was the experience of a real mobilization of 1895, and the regular test mobilizations of separate troops, forces and military institutions, which took place in the Russian Far East in 1896–99.

REFERENCES

1. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 96. Grodekov, N.I. (1899) "Zapiska o voennoy gotovnosti Priamurskogo voennogo okruga v polovine 1899 goda". 2 iyunya 1899 g. Dolozhena Nikolayu II 10 avgusta 1899 g. ["A note on the military readiness of the Pri-Amur Military District in the middle of 1899." June 2, 1899 Reported to Nicholas II on August 10, 1899].
2. Baskhanov, M.K. (2005) *Russkie voennye vostokovedy do 1917 g. Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian military Orientalists until 1917. A bibliographic dictionary]. Moscow: Vost. lit.
3. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 96. Putyata, D.V. (1899) *Po voprosam izlozhennym v zapiske General-Leytenanta Grodekova o boevoy gotovnosti Priamurskogo voennogo okruga v polovine 1899 goda. 5 avgusta 1899 g.* [On the issues outlined in the note by Lieutenant-General Grodekov about the combat readiness of the Pri-Amur Military District in the middle of 1899. August 5, 1899].
4. Military-Historical Committee on the Description of the Russo-Japanese War. (1910) *Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. Rabota voenno-istoricheskoy komissii po opisaniyu Russko-yaponskoy voyny: v 9 t.* [The Russo-Japanese War of 1904–1905 The work of the Military-Historical Committee on the Description of the Russo-Japanese War: in 9 vols]. St. Petersburg: tip. A.S. Suvorina.
5. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 400. List 1. File 2399. *Po povodu oborony kreposti Vladivostok i voobshche Yuzhno-Ussuriyskogo kraya* [Regarding the defense of the fortress of Vladivostok and in general of the South Ussuriisk region].
6. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2013) *Vladivostokskaya krepost': voyska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi* [Vladivostok fortress: troops, fortification, events, people]. Pt. I. Vladivostok: Dal'nauka.
7. Voennaya tipografiya. (1914) *Rospisanie sukhoputnykh voysk. Ispravlennoe po 1 sentyabrya 1914 g.* [Schedule of ground forces. Corrected on September 1, 1914]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
8. Avilov, R.S. (2015) Priamurskiy voennyy okrug (1884–1918 gg.): stranitsy istorii [The Pri-Amur Military District (1884–1918): Pages of History]. *Voенно-istoricheskii zhurnal – Military Historical Journal*. 11.
9. State Archive of the Russian Federation. Fund 543. List 1. File 193. *Zapiska polkovnika [A.A.] Gulevicha "Sravnenie zatrat sil i sredstv v Varshavskom okruge i na Dal'nem Vostoke" ot 14 marta 1903 g.* [Note from Colonel [A.A.] Gulevich "Comparison of the expenditure of manpower and resources in the Warsaw District and the Far East" of March 14, 1903].
10. Avilov, R.S. (2017) The Number of Troops in the Priamurskiy and Warsaw Military Districts on the Eve of the Russo-Japanese War: An Experience with Comparative Analysis. *Novyy istoricheskii vestnik – The New Historical Bulletin*. 1. pp. 41–42. (In Russian).
11. Voennaya tipografiya. (1896) *Poezdka v Koreyu General'nogo Shtaba podpolkovnika Al'fana v dekabre 1895 goda i yanvare 1896 goda* [The trip to Korea of Lieutenant Colonel Alftan of the General Staff in December 1895 and January 1896]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographical and statistical materials on Asia]. Is. 69. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
12. Voennaya tipografiya. (1899) *Spisok General'nogo shtaba. Ispravlen po 1 yanvarya 1899 g.* [List of General Staff. Corrected on January 1, 1899]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
13. Voennaya tipografiya. (1901) *Spisok General'nogo shtaba. Ispravlen po 2 yanvarya 1901 g.* [List of General Staff. Corrected on January 2, 1901]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
14. Zolotarev, V.A. (ed.) (1994) *Rossiya i Yaponiya na zare XX stoletiya. Analiticheskie materialy otechestvennoy voennoy orientalistiki* [Russia and Japan at the dawn of the twentieth century. Analytical materials of Russian military oriental studies]. Moscow: Arbizo.
15. Kondratenko, R.V. (2004) Rossiyskie morskije agenty ob usilenii yaponskogo flota v kontse XIX – nachale XX veka [Russian naval agents on the strengthening of the Japanese fleet in the late 19th – early 20th centuries]. In: Ayrapetov, O.R. (ed.) *Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. Vzgl'yad cherez stoletie* [Russian-Japanese war of 1904–1905. A look from a century later]. Moscow: Tri kvadrata.
16. Lukoyanov, I.V. (2008) "Ne otstat' ot derzhav..." *Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* ["Not to be left behind the powers". Russia in the Far East at the end of the 19th – in early 20th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
17. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 96. Grodekov, N.I. (1900) "Zapiska o mobilizatsionnoy i boevoy gotovnosti Priamurskogo voennogo okruga v nachale 1900 g." 12 aprelya 1900 g. Prochitana Nikolaem II 17 iyunya 1900 g. ["Note on the mobilization and combat readiness of the Pri-Amur Military District in early 1900" on April 12, 1900. Read by Nicholas II on June 17, 1900].
18. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 400. List 1. File 2399. *Shifrovannaya telegramma generala N.I. Grodekova iz Khabarovska Nachal'niku Glavnogo shtaba v Peterburg № 1410 ot 14 noyabrya 1898 g.* [Encrypted telegram of General N.I. Grodekov from Khabarovsk to the Chief of the General Staff in Petersburg No. 1410 of November 14, 1898].
19. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 101. *Otchet o vypolnenii v Priamurskom voennom okruge rospisaniya № 5 o prizyve nizhnikh chinov zapasa i postavke loshadey ot naseleniya po rekvizitsii v 1900-m godu. Ch. 1. Khabarovsk, 1900* [Report on the implementation in the Pri-Amur Military District of Schedule No. 5 on the draft of the lower ranks of the reserve and the supply of horses from the population by requisition in 1900. Part 1. Khabarovsk, 1900].
20. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 101. *Otchet o vypolnenii v Priamurskom voennom okruge rospisaniya № 5 o prizyve nizhnikh chinov zapasa i postavke loshadey ot naseleniya po rekvizitsii v 1900-m godu. Ch. 2. Khabarovsk, 1901* [Report on the implementation in the Pri-Amur Military District of Schedule No. 5 on the draft of the lower ranks of the reserve and the supply of horses from the population by requisition in 1900. Part 2. Khabarovsk, 1901].
21. Voennaya tipografiya. (1901) *Nastavlenie dlya mobilizatsii pekhoty* [Manual for the mobilization of infantry]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
22. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 165. List 1. File 332 (according to the list). *Otchet generala Kellera o poverochnoy mobilizatsii v Donskom kazach'em voyske v 1891 g.* [Report of General Keller on the test mobilization in the Don Cossack army in 1891].
23. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 165. List 1. File 333 (according to the list). *Otchet general-mayora Khreshchatitskogo o poverochnoy mobilizatsii v Donskom kazach'em voyske v 1891 g.* [Report of Major-General Khreshchatitsky on test mobilization in the Don Cossack army in 1891].
24. Budberg, A.P. (1932) *Sibirskie vospominaniya (1895–1904)* [Siberian Memories (1895–1904)]. *Vestnik Obshchestva russkikh veteranov Velikoy voyny*. 68–69. From the funds of the Museum of Russian Culture in San Francisco.
25. Budberg, A.P. (2017) *Sibirskie vospominaniya* [Siberian memories]. Vladivostok: Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraia – Primorskoe kraevoe otdelenie Russkogo geograficheskogo obshchestva.
26. Sukhomlinov, V.A. (2005) *Vospominaniya. Memuary* [Memories. Memoirs]. Minsk: Kharvest.
27. Voennaya tipografiya. (1888) *Nastavlenie dlya mobilizatsii chastey deystvuyushchey i rezervnoy pekhoty. Svod ukazaniy i soobrazheniy po ispolneniyu mobilizatsionnykh rabot v chastyakh deystvuyushchey i rezervnoy pekhoty. Ispr. po 1 yanvarya 1888 g.* [Manual for the mobilization of parts of the existing and reserve infantry. A set of instructions and considerations for the execution of mobilization work in divisions of the current and reserve infantry]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
28. Vasilevskiy. (1910) *Rukovodstvo dlya shtab-ofitserov i kapitanov, podvergayushchikhsya ispytaniyu pri zachislenii v kandidaty na dolzhnosti uездnykh voinskikh nachal'nikov i spravochnaya kniga dlya uездnykh voinskikh nachal'nikov. Ispr. i dop. (po 1 fevralya 1910 g.) N. Khodorovich* [A guide for headquarters officers and captains who are subject to probation when enrolling as candidates for the posts of district military commanders and a reference book for district military commanders. Correct and supplemented (as of February 1, 1910) by N. Khodorovich]. 7th ed. St. Petersburg: Izd. V. Berezovskogo.
29. Novitskiy, V.F. et al. (eds) (1914) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 16. St. Petersburg: T-vo I.D. Sytina.

30. Anon. (1896) Prikaz voyskam Priamurskogo voennogo okruga № 368 ot 31 oktyabrya 1896 g. i prilozhennyy k nemu Svod glavneyshikh zamechaniy iz otchetov komissiy, nablyudavshikh za proizvodstvom poverochnykh mobilizatsiy v 1896 g. [Order to the troops of the Pri-Amur Military District No. 368 of October 31, 1896, and the summary of the most important remarks from reports of the committees that monitored the mobilizations in 1896 attached to it]. In: *Prikazy voyskam Priamurskogo voennogo okruga za 1898 g.* [Orders to the Pri-Amur Military District for 1898]. Khabarovsk: [s.n.].
31. Budberg, A.P. (1931) Sibirskie vospominaniya (1895–1904) [Siberian Memories (1895–1904)]. *Vestnik Obshchestva russkikh veteranov Velikoy voyny*. 59–60. From the funds of the Museum of Russian Culture in San Francisco.
32. Avilov, R.S. (2016) The “test mobilizations” of troops in Priamurskiy Military District in 1896 as a way to appreciate the mobilization readiness of military forces. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya – Oykumena. Regional Researches*. 1. (In Russian).
33. Anon. (1898) Prikaz voyskam Priamurskogo voennogo okruga № 221 ot 22 iyunya 1898 g. i prilozhennyy k nemu Svod glavneyshikh zamechaniy po poverochnoy mobilizatsii nekotorykh chastey voysk i upravleniy Priamurskogo voennogo okruga v 1897 g. [Order to the troops of the Pri-Amur Military District No. 221 of June 22, 1898, and the remarks attached to it on the calibration mobilization of some parts of the troops and directorates of the Pri-Amur Military District in 1897]. In: *Prikazy voyskam Priamurskogo voennogo okruga za 1898 g.* [Orders to the Pri-Amur Military District for 1898]. Khabarovsk: [s.n.].
34. Anon. (1898) Prikaz voyskam Priamurskogo voennogo okruga № 245 ot 12 iyulya 1898 g. [Order to the troops of the Pri-Amur Military District No. 245 of July 12, 1898]. In: *Prikazy voyskam Priamurskogo voennogo okruga za 1898 g.* [Orders to the Pri-Amur Military District for 1898]. Khabarovsk: [s.n.].
35. Anon. (1900) Prikazanie voyskam Priamurskogo voennogo okruga № 29 ot 10 fevralya 1900 g. i prilozhennyye k nemu Zamechaniya Komanduyushchego voyskami Priamurskogo voennogo okruga, sdelannyye vo vremya proizvodstva probnoy mobilizatsii, zimoyu 1899 g. [Order to the troops of the Pri-Amur Military District No. 29 dated February 10, 1900 and the comments of the Commander of the Pri-Amur Military District attached to it made during the test mobilization in winter 1899]. In: *Prikazaniya voyskam Priamurskogo voennogo okruga za 1900 g.* [Orders to the Pri-Amur Military District for 1900]. Khabarovsk: [s.n.].
36. Kalyuzhnaya, N.M. (1978) *Vosstanie Ikhetuaney (1898–1901 gg.)* [Yihetuan Movement (1898–1901)]. Moscow: Nauka.
37. Alekseev, M. (1998) *Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II* [Military intelligence of Russia from Rurik to Nicholas II]. Book 1. Moscow: Izdatel'skiy dom “Russkaya razvedka”; IIA “Evraziya+”.
38. Dobychina, E.V. (2003) *Vneshnyaya razvedka Rossii na Dal'nem Vostoke 1895–1904 gg.* [Russian Foreign Intelligence in the Far East 1895–1904]. History Cand. Diss. Moscow.

Received: 08 May 2018